

— Топ-топ, — раздавались шаги в светло-сером пустом коридоре, вокруг царил почти абсолютная тишина, только эхо шагов, распространялось волнами, наслаиваясь друг на друга. Все вокруг будто погрузилось в туман и выглядело размытым, все окружающее выглядело нечетким. Му ЦзинЮань тихо шел вперед, а другой он в его сознании продолжал кричать: "Остановись! Не иди дальше! Не открывай дверь!"

Его сознание сопротивлялось, понимая, что сцена за дверью слишком невыносима. Но тело не подчинялось этому голосу. Все так же, как и бесчисленное количество раз в прошлом, он без всякой паузы подошел к двери в конце коридора, поднял руку и осторожно толкнул ее.

В комнате тоже было пусто, как и в коридоре, только четыре пустые светло-серые стены. Эта комната была моргом, в центре стоял стол, на котором лежал труп накрытый белой простыней.

ЦзинЮань знал, кто там лежит, и его душа была на грани того, чтобы прорваться сквозь тело и сбежать отсюда. Но он знал, что не может этого сделать, и мог только наблюдать, как другой он подошел к столу и медленно протянул дрожащую руку, а затем поднял белую простыню.

Молодой человек, запечатленный в его душе, тихо лежал на столе, его глаза были полуоткрыты, выражение лица было спокойным и, казалось, умиротворенным.

Он выглядел гораздо хуже, чем до его отъезда, глаза казались запавшими, а щеки утратили даже намек на пухлость. Губы, которые он помнил розовыми и красивыми, были без кровинки, такими же бледными, как и лицо. В уголке рта виднелось большое повреждение и заметный синяк на подбородке у щеки. И, самое ужасное, почерневшие отпечатки пальцев на шее.

Тот он, внутри его тела, отчаянно кричал и завывал : "Не смотри больше, я не хочу больше смотреть!"

Но все так же не мог контролировать свое тело. По мере того, как белая ткань понемногу поднималась, перед его глазами открывалось тело Бай ИХаня. На самом деле его тело уже было вымыто и аккуратно одето. Лицо и верхняя часть тела выглядели опрятными и чистыми. Но увиденное им зрелище все же сломило его, и впервые его ноги не смогли поддержать тело, а колени сильно ударились о землю.

Хотя правая нога ИХаня скрывала штанина, неестественный изгиб все еще был хорошо заметен. ЦзинЮань осторожно коснулся этого места, отчетливо ощутив торчащую часть. То же самое касалось его левой руки. Эти руки, когда-то такие безупречные, были той частью ИХаня, которой он восхищался больше всего. Но сейчас, вместо его левого запястья была только масса плоти и крови, перемешанная между собой. В этой руке теперь не осталось и следа былой красоты, невозможно даже было сказать, что это напоминало руку.

Му ЦзинЮань знал, что на его теле имелись и другие раны, прикрытые одеждой, но у него больше не хватило смелости проверить.

Что-то шевелилось в его горле из груди в горло проник запах крови, в груди так болело, будто там пробили огромную дыру. Через эту дыру проник ледяной воздух, заморозивший его кровь. Он не мог дышать, и кружилась голова, ему казалось, что его вот-вот поглотит безумие, только вот глаза оставались сухими, и он не мог пролить ни слезинки.

Сокровище (детка), к которому он относился с величайшей любовью, которого он лелеял в своем сердце более двадцати лет. Му Цзиньюань и в страшном сне не мог представить, что подобные травмы могут настичь его, ведь он так боялся малейшей боли, а один малюсенький порез на пальце мог вывести его из себя, надолго сделав несчастным. Но зрелище перед ним говорило ему, что все это правда, и он не мог избежать этого.

Протянув руку, он медленно взял неповрежденную правую руку ИХаня. Когда-то мягкая и нежная рука теперь стала холодной и жесткой. Он крепко держал эту руку, и каждый вдох казался ножом вонзающимся в его легкие, царапая его грудь сильной болью. Несколько раз открыв рот, он мучительно смог выдохнуть, сухим надтреснутым голосом:

— ХаньХань... Хань Хань...

— ХаньХань, смотри, ЦзинЮань вернулся, разве ты не хотел его увидеть? Вот видишь, он вернулся, — раздался рядом с ним дрожащий и слабый голос Бай Ма.

Му ЦзинЮань поднял голову и увидел, что в какой-то момент в этой комнате появились другие. Бледный и изможденный ФуЖень обнимающий свою ослабевшую жену, СюэЦин с грязными распущенными волосами и Янь в мятой одежде, у всех у них виднелись налитые кровью глаза. Глаза матери Бай уже походили на щелочки, так опухли от слез, но она так и не прекращала плакать, слезы так и продолжали течь у нее непрекращающимися дорожками.

— Мы не могли закрыть ХаньХаню глаза, мы не могли этого никак сделать, он очень хотел тебя увидеть. Помоги ему, — произнесла СюэЦин ужасно хриплым и монотонным голосом, ее лицо выглядело ужасно бледным и пустым, будто мертвым.

Му ЦзинЮань снова перевел взгляд на лицо Бай ИХаня. Он выглядел совершенно спокойным, даже страдания его семьи больше не могли поколебать это спокойствие. Он останется спокойным несмотря ни на что, даже его милых ямочек на щеках больше никогда не появится. Его глаза оставались полуоткрыты, но цвет мертвенно-серым, в них не было страха или боли, какая-то облегченная пустота, и намек на вину и сожаление.

Так и не встав с колен, ЦзинЮань подполз к ИХаню, накрыл его пустые глаза рукой, медленно проведя вниз.

Глаза ИХаня, которые тот будто отказывался закрыть, под его рукой послушно закрылись. Как только его глаза закрыли, не осталось следа от скрытых вины и сожаления, он выглядел еще более спокойным и безмятежным, и если не обращать внимания на ужасные повреждения на его теле, то казалось, что он просто спит.

СюэЦин испустила слабый крик и сползла всем телом на пол, по ее щекам снова заструился бесконечный поток слез. Янь не успел поймать сестру, все его тело содрогалось от беззвучного плача и крика, сделав два шага назад, он прислонился к стене. В итоге мать Бай снова упала в обморок.

ЦзинЮань держал руку ИХаня, в которой не осталось ни следа тепла. Глядя в его, теперь безмятежное, лицо, он снова ощутил подкатывающий к горлу пахнувший кровью комок. Сжав зубы, он что есть мочи издал полный отчаяния крик, напоминающий крик умирающего животного.

Посреди ночи Му ЦзинЮань резко сел в кровати, тяжело дыша, его пижама промокла от холодного пота и облепила тело, оставляя видимыми линии его ужасно изможденного тела.

Иссохшая тонкая рука поднялась и потерла лоб, когда он продолжал тяжело дышать. Снова этот сон. Его ХаньХань оставил его семь лет назад. С того момента, как он получил звонок от матери Бай, с того момента, как он открыл ту ужасную дверь, его душа ушла вслед за ХаньХанем. Последние семь лет он не мог спокойно спать по ночам. Каждый раз, когда засыпал, этот сон преследовал его, заставляя снова и снова переживать кошмар, и он не мог спать, не смея сомкнуть глаз.

Сидя на кровати, он опустил руку со лба и схватил украшение висящее на груди, оно выглядело как сложное украшение в форме урны, но на самом деле это было не украшение. Внутри оно было полым и содержало небольшую прядь волос Бай ИХаня.

Он держал эту урну в руках, согревая своим теплом и успокаивал дыхание некоторое время. Чуть успокоившись, он выпустил урну из рук, медленно встал с кровати и сел на стул у окна. Этот стул когда-то использовал ИХань, когда жил на съемной квартире с семьей Бай после банкротства. В его спальне полно вещей, которые использовал ИХань ранее, в том числе и кровать в которой он сейчас спал. В гардеробе имелись аккуратно разложенные одежды, которую когда-то носил ИХань, а в ванной лежали туалетные принадлежности Бай ИХаня, а также некоторые из его старых сломанных вещей, которые он собрал из разных источников. Он держал их все в своей комнате, выглядевшей так, как будто ИХань жил здесь, но это все лож, его больше нет. Он собирал их все лишь ради утешения. Эти годы он лихорадочно собирал все касающееся ИХаня, что ему нравилось, что ненавидел, чего стыдился, все, что его касалось, включая людей. Он собрал всех людей, которые знали его, помнили его и пересекались с ним. Он тихо собрал их всех, и родители Бай тоже неизбежно попали в это число. Он хотел жить, окруженный ароматом ИХаня, но сейчас этот аромат становился все слабее и слабее. Посидев таким образом некоторое время в темноте и одиночестве, он встал и подошел к винному шкафу, взял бутылку вина и снова сел в кресло. Не стал пользоваться бокалом, просто медленно потягивал из горлышка, глядя на темную ночь за окном. Он видел слишком много таких ночей, и именно такие одинокие ночи составляли ему компанию во время бессонных ночей.

Выпив полбутылки вина, он поставил ее на стол, встал и начал убираться в комнате. Никому

нельзя было входить в его комнату, даже старшей сестре Лю, он делал всю уборку сам, и уборка глубокой ночью в такой тишине была для него обычным делом. Взяв швабру, он снова и снова протирал пол, хотя тот и так уже блестел. Затем тщательно вытер горячим полотенцем чашку ИХаня для полоскания рта, выполняя это очень аккуратно, боясь ненароком разбить. От нечего делать он снова и снова ходил по комнате, разглядывая и трогая вещи в ней. Окружение вещей ИХаня дарило ему некоторое спокойствие, поэтому он наматывал круги по комнате, желая успокоиться. Затем он вспомнил, что есть еще одна вещь о ИХаня, которую он еще не видел, поэтому вышел из комнаты и побрел, как призрак, по коридору, спустился вниз, подошел к двери комнаты и толкнул дверь.

Он тихо подошел к кровати, посмотрел на спящую в ней женщину тем же взглядом, которым только что смотрел на кресло, а через некоторое время тихо повернулся и ушел.

Женщина открыла глаза, посмотрев в его уходящую спину, он все так же высок, но пижама не могла скрыть болезненной худобы, болтаясь на его теле.

Прекрасно зная свое значение для него, женщина тихо вздохнула. Она такая же "вещь" для него, как и те вещи в его комнате - "вещь" связанная с ИХанем. Иногда ее посещали мысли, что если бы она была не живой, а мертвой, возможно, ее бы поставили в угол его комнаты, чтобы он смотрел на нее, когда не мог уснуть по ночам, но раз она жива, то он поместил ее сюда, чтоб она не могла коснуться вещей ИХаня. Есть и самый важный момент, она лишь "нечто связанное" с ИХанем, а не "нечто принадлежащее" ИХаню, и не могла быть помещена в "их" комнату. "Вещи", не принадлежащие ИХаню, нельзя класть в их комнату, ЦзинЮань всегда строго придерживался этой классификации.

Она криво улыбнулась. В глазах посторонних, она блистала, как жена Президента Му, но на самом деле ее положение очень печально. Только она знала цену тому, зачем ЦзинЮань ежемесячно платит деньги ее родителям и младшему брату, а также даровал ей титул своей жены. Цена в том, что она останется в этом доме и будет тихим "вещью". Всякий раз, когда ЦзинЮань тихими ночами безудержно скучал по этому человеку, он осматривал все вещи касающиеся его, включая и ее саму.

На следующий день ЦзинЮань не пошел в компанию. Он лично отправился на фруктовый рынок чтобы купить мандаринов/апельсинов. Он выбирал их очень тщательно, просматривал их один за другим, чтобы убедиться, что их внешний вид соответствует стандартам ИХаня. Бай ИХань очень разборчив в еде, но среди фруктов он больше всего любил эти невзрачные мандарины. Каждый раз, когда он навещал семью Бай, он просил его принести ему их. Он выбирал самый сладкий мандарин из тарелки с фруктами, очищал его и протягивал маленькому обжоре. Каждый раз, когда ИХань брал мандарин, он всегда хихикал и показывал пару маленьких ямочек.

Неся мандарины, он шаг за шагом шел на кладбище, где был похоронен его ХаньХань. Он спал вечным сном рядом со своим самым любимым дедом, перед которым испытывал очень сильную вину.

Он положил купленные по пути цветы перед могилой Старшего Мистера Бай, поклонившись на

последок. Только после этого он подошел к могиле ИХаня и сел, аккуратно положил мандарины, достал из кармана новый носовой платок и аккуратно вытер фотографию на надгробии, тихо произнес:

— ХаньХань, вот я снова навещаю тебя, скучал по мне? - ему с фотографии улыбался деликатный красивый молодой человек.

ЦзинЮань посмотрел на него и не удержался, протянув руки, он обнял надгробие так, будто обнимал ХаньХаня, по которому неизменно тосковал, но все, что получил, это холодный кусок камня.

<http://bllate.org/book/15667/1402149>